

ВЕСЁЛЫЕ
ИСТОРИИ

Татьяна Корниенко

КИКИМОРА
СВЕТКА
ПИПЕТКИНА

Татьяна Геннадиевна Корниенко

Кикимора Светка Пипеткина

Серия «Весёлые истории»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42316179
Кикимора Светка Пипеткина: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-113827-1

Аннотация

Получить в подарок букетик мухоморов, поболтать с волком, познакомиться с сестричками-русалками, живущими в городском пруду, совершить кучу глупостей и не меньшую кучу добрых и полезных дел... Все это возможно, если твоя подружка – кикимора болотная. Когда Татьяна Корниенко, автор книги, которую вы держите в руках, встретила эту необычную девицу, сразу поняла, что обязательно должна познакомить с ней еще кого-нибудь. Например, тебя. Не боишься? А зря. Кикимора все-таки...

Содержание

Знакомимся с Пипеткиной	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	46
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Татьяна Геннадиевна Корниенко Кикимора Светка Пипеткина

* * *

...До звонка оставалось минут десять, когда вымотанная, но решительная Лидия Георгиевна вдруг выбросила из вазочки, стоявшей на ее столе, не слишком свежий букет хризантем и со словами: «Видно, придется!» – выпила залпом оставшуюся после цветов воду.

– Все! Это невозможно! Прекрати! Пипеткина! Прекрати! – заорала, совершенно не таясь, Лариса, и кикимора, пораженная отчаянием в ее голосе, наконец поняла, что в своих стараниях зашла слишком далеко...

Знакомимся с Пипеткиной

Стоп, стоп! Я совершенно забыла, что вы не знакомы с Пипеткиной! Подумайте еще, что кикимора – это ругательство такое. Ничего подобного! Кикимора – она и есть кикимора. Потомственная. Кстати, на самом деле никакая она не Светка и тем более не Пипеткина. Вы когда-нибудь слышали, чтобы кикимор звали Светками? А Пипеткина? Таких глупых фамилий даже у людей не бывает. Я потом расскажу, откуда эта глупость возникла. На самом деле одиннадцатилетнюю кикиморку звали вполне традиционно – Уг. Да, вы же не знаете: все кикиморы, как и люди, рождаются без имени! Только нас родители сразу же называют, как им захочется. А мы потом мучаемся: почему, например, Маша? Куда лучше Виолетта или, на худой конец, Диана. Зато кикиморы живут безымянными аж до пяти лет! Взрослые считают, что так их дети будут хитрее и изобретательнее. А к пяти годам, когда этой самой хитрости, изобретательности и, само собой, вредности накапливается выше крыши, кикиморым родителям становится неволе от своих чад. Тогда они хватаются за голову и срочно начинают искать какое-нибудь подходящее имя для маленького чудовища. К тому же юное создание нужно наказывать. А как накажешь без имени? Ни подозвать, ни обозвать. В общем, когда наступают эти страшные пять лет, прямо в день рождения, старший в

семье достает Большую Книгу и каким-то хитрым способом определяет первую букву имени ребеночка. А вторую букву присоединяют в десять лет, за два года до посвящения в настоящие кикиморы.

Так же все было и с Уг. Впрочем, она уже знала, что через год быть ей или Угляной, или Угнеей. Вот и весь выбор. Хотя кикиморка была бы не прочь называться и дальше ласковым семейным именем, которым звала ее мама Мида, – Угошей.

Жила семья Миды уединенно на небольшом островке посреди огромной топи. Это только в сказках понапридумывали, что кикиморы могут жить прямо в болоте. Глупости! Кроме русалок, никто теперь в воде не мокнет. Да и те болота стороной оплывают. Зачем им эта тухлятина?! Куда лучше ручеек или, скажем, речушка лесная.

Но справедливости ради нужно заметить, что сырые места кикиморы все же любили всегда. Или, как говорят люди, – гиблые места. Но это для кого как! И удивляться тут совершенно нечему, зловещего искать тоже не стоит. Просто кикиморы – потомки очень древних жителей нашей планеты, которые жили на Земле еще тогда, когда климат был куда влажнее нынешнего. Вот и тянутся теперь к болотам. Может, и сохранились потому. Русалки болот избегали. И где они теперь? Кто-нибудь из вас русалку живую видел? Вот! Единицы остались. А кикиморы семьями большими живут. Хозяйство ведут. Друг к другу в гости ходят, веселятся. Детей учат. Вам хочется возразить, что их вы тоже как-то не осо-

бо встречали? Сами виноваты. Найдите хорошую топь, забегитесь подальше и убедитесь. Ну, это так, шутка. Кто ж вас в топь пустит?! Кикиморы сами же и закружат, чтобы глаза отвести. Кстати, что они злые, – это враки из сказок. Просто людей опасаются и правильно делают.

Вернемся к Уг. У нее-то как раз семья и не была большой: Мида, сама Угоша и братик в невыносимом четырехлетнем возрасте. Без имени еще. Совсем недавно был и папа. Но беда с ним случилась. Отправился он по грибы, замечтался, задумался и вышел к полю, на котором люди картошку растили. А на картошке жуки симпатичные завелись – маленькие, полосатенькие. Посмотрел на них папа, как они картофельную ботву доедают, подумал, что не все красивое полезным бывает. Вдруг слышит: гудит самолет. В лес бросился, да поздно было. Люди гадостью жуков вместе с папой побрызгали. Домой-то он дойти успел, даже рассказал Миде о несчастье, с семьей попрощался, а к ночи умер.

Мида попыталась умолчать о подробностях, да разве от Угоши что утаишь? Ей уже тогда девять было. А в девять для кикиморы мысли прочесть – раз плюнуть. Конечно, воспитанная кикимора никогда не станет без спросу или без надобности этого делать. Но тут был совсем другой случай.

Как возненавидела Угоша людей! С полгода ненавидела. Потом обеспокоенная Мида объяснила дочери, что не умеют люди ни заклятия накладывать, ни с жуками и птицами разными договариваться, вот и придумали всякие штуки, кото-

рые им много пользы приносят, а заодно портят вокруг что-нибудь очень важное. К тому же ненавидеть людей – совершенно некультурно для такой большой и воспитанной кикиморки, как Угоша. Ну, морок навести в целях самозащиты, по болоту поводить – это в порядке вещей, а ненавидеть – лишнее.

А потом Угоша узнала такое! Оказывается, одним из ее предков был человек. Приходился он ей прадедушкой. Приехал в леса молодой инженер осушать местные болота. Влюбился в прабабушку Уг и увез ее в город. Все у них некоторое время замечательно было, пока не родилась дочка – Угошина бабушка. А что это такое – младенец-кикимора, только кикимора и поймет. Ух, такое им девочка устраивала! Прабабушка Уг вовремя поняла, что пора ей из города исчезнуть, пока слухи про их семью не поползли, да излишний интерес до беды не довел. И хоть любила она мужа, взяла дочку и ушла в лес. Только не тот, где жила раньше, а в дальний, который и сами кикиморы не особо жаловали за его мрачность.

Когда Угоша все это узнала, ее ненависть тут же поменялась на крайнее любопытство. Захотелось к людям. И так захотелось, что начала она планы строить, как к ним попасть и как научить их понимать язык природы, чтобы они больше жуков не убивали, а могли с ними договориться.

Конечно, если бы Мида заметила, как изменилась ее дочь, она бы приняла надлежащие меры. Но случилось все совершенно иначе: Угоша начала действовать.

Глава 1

Угоша начинает действовать

Сказать, что Уг была решительной кикиморой, – это не сказать ничего. Если она чего-нибудь начинала хотеть, то продолжала хотеть ровно столько, пока желаемое не возникло в соответствии с самыми нереальными мечтами. Причем без всякой магии. Конечно, чего было бы проще – смешать в равных частях пепел сушеной лягушки, толченый мухомор и пыльцу колокольчиков, собранную в полнолуние, и посмотреть свое будущее. Но Угоша не была такой душой! И дело не в запретах или каких-то там правилах приличия. Уметь – не значит пользоваться. Ну кому интересно обо всем знать заранее?! Поэтому кикиморка просто присела на пенек и стала думать.

Через некоторое время она додумалась, что, прежде всего, хорошо было бы взглянуть на этих самых людей (до сих пор ей ни разу не приходилось встречать человека: сначала была маленькая, потом людей терпеть не могла. К тому же топь надежно защищала ее дом от кого бы то ни было).

Посидев минут пятнадцать, кикиморка встала и решительно направилась к краю болота. Через полчаса шлепанья по мокрым кочкам она добралась до сухого пригорка. Мрачные елки сменились светлыми березками и осинами. В этой

части леса Угоше не приходилось бывать ни разу. Чтобы не заблудиться, она быстро-быстро потерла друг о друга ладошки и, шепнув нужное слово, дотронулась до ближайшей березы: пусть деревья сами запоминают ее путь. Не забывая оставлять вешки, прошла еще с километр, даже не притормозив в чудненьком малиннике, где уже лакомился спелыми ягодами молодой мишка. Так же решительно миновала она кусты черной смородины и остановилась лишь тогда, когда услышала совершенно новый звук – кто-то смеялся звонко, захлеб.

Конечно, это существо не было кикиморой, иначе Угоша поймала бы мысленный опознавательный сигнал с именем весельчака. А раз так, то, без всяких сомнений, смеялись люди!

Кикиморка пригнулась и, сливаясь с каждым встречным кустом, подобралась поближе к источнику звуков. Перед ней открылась большая поляна с почти круглым чистым озерцом, улегшимся между желтыми песчаными берегами. На пригорке, подставив солнцу успевшие подзагореть животы и коленки, словно сороки трещали на неизвестном языке две совершенно кикиморьего вида девчонки. Рядом мятой горкой лежала их одежда.

«Совсем как мы», – удивилась Угоша, хотя чему ж было удивляться, если ее прадедущка был человеком. «Не мог же он казаться прабабушке какой-нибудь краказяблой!» – пронеслось в голове. Кикиморка, стараясь не задеть веток

укрывшего ее куста, переместилась поближе к людям и, прикрыв глаза, слилась с сознанием одной из девчонок.

Девчонка на секунду замерла, тряхнула головой, словно отгоняя надоедливую муху, и... продолжила болтать с подружкой, даже не пытаясь разобраться в своем странном состоянии. А вот это как раз и не было удивительным: Угоше уже исполнилось одиннадцать, поэтому такие трюки не составляли для нее никакого труда.

– Светка, слушай, что расскажу – обхохочешься! – еле сдерживаясь, сказала «Угошина» девчонка.

– Ну?

– Наши пацаны из класса...

– А кто?

– Димка, Сема и Максик...

– Известная троица.

– Стой, не перебивай. Ты только послушай! На прошлой неделе, помнишь, по телику программа была, как будто кто-то настоящую русалку видел. А наши пацаны утром как раз на рыбалку собрались. Пораньше, чтобы клев был.

– Сюда?

– Нет, на речку пошли. Подходят к берегу с той стороны, где деревья. Ну, помнишь? А вдоль речки туман. Пацаны еще из леса не вышли, вдруг слышат, в воде кто-то плюхается. Максик встал как вкопанный. Шепчет: «Пацаны, русалка!» А Сема: «Давайте поймаем». Легли в траву все втроем и поползли на пузе в сторону речки. Представляешь, видок!

Ползут, а Димка все им шепчет: «Ученым отдадим. Пусть изучают. Нас по телику покажут...» Они ему: «Заткнись!» – и дальше ползут. Сема сачок для рыбы приготовил, чтобы им русалку подцепить...

– А что, русалку не видно? – перебила заинтригованная Светка.

– Конечно, нет. Так вот, они к воде подползли, Семка командовал: «Раз, два, вперед!» – они в воду – хлобысь! Прямо в одежде. Русалке на голову сачок – хлобысь! Та как завизжит! Димка ее за руки схватил, а сам кричит: «Макс! Хвост! Хвост держи!» Русалку притопили, а она под водой Димку за руку как куснет! Димка заорал и русалку отпустил. Она вынырнула и тоже как заорет: «Придурки! Я все маме расскажу!»

Светка, до сих пор слушавшая совершенно серьезно, с тайной надеждой на чудо, тут же поняла, что история с подвохом, и, предвкушая уже очевидную развязку, тихонечко захихикала:

– Анжелка, ну и кого эти «охотники» поймали?

– Аллочку! Представляешь, наша Алка прочитала какую-то правильную книжку про здоровье и пошла на рассвете на речку, чтобы зарядку и водные процедуры сделать!

Девчонки закатились, смахивая выступившие от невозможности остановиться слезы, снова и снова прокручивая в воображении подробности конфуза.

Когда у обеих заболели животы, Светка неожиданно

подытожила:

– Так этой Алке и надо! Подумаешь, отличница!

– Свет, ты чего? Ты же сама у нее контрольные сдуваешь!

Завидуешь, что ли?

– Очень надо! Я и сама так могу, только не слишком-то хочется. Пусть такие дурочки, как она, думают.

– У-у-у... – поморщилась Анжелка, – никогда не думала, что ты так можешь про Петренко говорить. А про меня ты тоже думаешь, что я – дурочка? Я же нормально учусь! Правильно тебя брат Светкой-Пипеткой дразнит!

Ссора вспыхнула, как трава в костре. Обе девчонки вскочили и уже готовы были... Впрочем, вцепиться друг в друга они не успели: их накрыл наведенный Угошей столбняк.

Едва почувствовав, что мозг усвоил все, что было в Анжелкиной голове, Угоша отпустила ее сознание. Теперь следовало, пятясь, уйти в лес. Но желание рассмотреть поближе людей, дотронуться до их кожи, волос, убедиться, что они такие же, как и она сама, заявило о себе настолько сильно, что Угоша осталась. К тому же ее тянуло повредничать: очень уж вольно девчонки рассуждали о русалках. Поэтому, заставив «подружек» замереть, она не сделала ничего, чтобы скрыть свое появление, и, пока рассматривала купальнички, заколки с сердечками, трогала облупившийся лак на ногтях, девчонки умирали и никак не могли умереть от ужаса.

Конечно, ничего страшного в кикиморке не было: среднего роста, тощеватая, рыжая и загорелая, она ничем особо не

отличалась от них самих. Разве что глаза... Большие, такие редко встретишь у людей. И зеленые – прямо фломастерные какие-то! Но мало ли у кого какие глаза? Ужас не отпускал девчонок по совершенно другой причине: Угоша не убрала защитный барьер страха, который испокон веку защищает любую кикимору при встрече с людьми. Чтобы убрать защиту, и нужно-то дважды щелкнуть пальцами левой руки. Но Угоша этого не сделала.

Когда, рассмотрев все, что хотелось увидеть, кикиморка позволила Анжелке со Светкой двигаться, обе, тоненько подывая, рванули к деревне.

Угоша тоже вознамерилась уйти, прекрасно понимая, что скоро сюда пожалуют взрослые. Но тут ее взгляд упал на кучку забытой очумевшими девчонками одежды. Кикиморка нагнулась и вытянула двумя пальцами светлые шорты.

Ничего подобного она раньше не видела, а сама носила только тканые мамой платья из вымоченного в болотной воде льна. Но знания, взятые из Анжелкиной головы, прижились в сознании Угоши так, как если бы они были ее собственными. Поэтому она, повертев в руках шорты, быстро сбросила платье и засунула в них ноги. Потом извлекла из кучи цветную маечку.

Человеческая одежда оказалась неожиданно удобной и непривычно красивой. А когда Угоша подняла раскиданные по плечам волосы и посмотрела на свое отражение в озерной воде, ей вдруг подумалось, что вряд ли кто сможет отличить

ее от только что сбежавших девчонок.

Едва ли сознавая, зачем она это делает, кикиморка быстро переоделась в привычное платье, аккуратно свернула чужую одежду, зажала сверток под мышкой и побежала домой.

Глава 2

Побег

Мучительным и скучным было это лето. Новые человеческие знания не давали Угоше покоя. Иногда она уходила на дальний край своего островка, там, где у самой воды росла старая ива с огромным дуплом, запускала в дерево руку, доставала Анжелкину одежду, потом садилась под ивой и долго-долго смотрела на облака. Как плыли они туда, где в далеком прошлом жил прадедушка и сейчас живет много-много всяких разных людей.

А еще ее тянуло почитать какую-нибудь книжку. Желание досталось в наследство от Анжелки, успевшей за свою одиннадцатилетнюю жизнь вдоволь начитаться веселого, грустного и просто интересного. Только ничего подобного в лесу никогда не было. Разве что Большая Книга, но ее кому попало не давали.

В общем, любому, кто посмотрел бы на Угошу со стороны, стало бы ясно, что она изнывает от одиночества. В дополнение ко всему ее начали мучить разные странные вопросы. Например, почему они, кикиморы, должны таиться всю свою жизнь в лесу? Но вряд ли и Мида смогла бы на это ответить.

Иногда Угоша надолго покидала дом и бродила по лесу. Все чаще и чаще она заходила туда, где ей могли встретиться люди.

Так случилось и в то осеннее утро. Кикиморка встала, едва взошло солнце. Взяла небольшую корзинку и пошла через болото в сторону деревни: именно там Волчок видел целый выводок молоденьких мухоморов. А мухоморы она очень любила!

До грибной поляны оставалось всего ничего, когда Угоша услышала совершенно не лесной шум. Впереди смеялись, звучала музыка. Вскорости и нос сообщил о запахе дыма и чего-то вкусенького.

Сначала кикиморка замерла, а потом, как очумелая, бросилась к людям. Остановилась она от них всего в нескольких шагах и затаилась в кустах.

В центре небольшой поляны дымился костер, обложенный закопченными валунами. Рядом стоял черный пузатый котел. У костра на корточках сидел мальчишка.

«Хлеб на шампурах жарит», – подсказала Анжелкина память. Остальные (человек пятнадцать) расположились поодаль. Шутили, смеялись. Мальчишки, девчонки, немолодая женщина, чем-то похожая на маму Миду... Но, чем заразительнее смеялись люди, тем печальнее становилась кикиморка. Все ее летние страдания заявили о себе с новой силой. А потом в какой-то момент внутренний голос завопил: «Ну и

что? Что? Долго собираешься страдать? Стоишь, как тухлявый пень! У тебя есть человеческая одежда. Быстренько переодевайся и иди к ним! Посмотришь, потом вернешься домой. Ну, поругают немножко. И что из этого? Зато как интересно!»

От такой наглости внутреннего голоса Угоша аж подскочила – хорошо, никто не заметил, как вздрогнули ветки куста. Но, представив, что все эти люди прямо сейчас встанут и уйдут в свой человеческий мир навсегда, а она останется на всю жизнь в лесу, Угоша бросилась напрямик к болоту с единой мыслью: «Только не уходите! Только не уходите!»

Корзину она потеряла по пути и даже не заметила пропажи. Уже около дома сообразила, что маму не проведешь, поэтому, чтобы не рисковать, обогнула дом и, запыхавшаяся, мокрая от стремительного бега, остановилась только около старой ивы. Переоделась, сунула платье в дупло, поежилась (шорты и майка совершенно не спасали от осенней прохлады) и на секунду, почти в изнеможении от задуманного, привалилась спиной к дереву. «Ой, что же я делаю?!» Затем решительно собрала волосы в две косички, какие видела у одной из девчонок, и помчалась обратно.

Ей повезло: люди еще не ушли. Они поели и теперь просто разговаривали. На мгновение Угошу вновь охватил ужас, но она по-особому щелкнула пальцами, чтобы люди не слишком удивлялись ее появлению, и решительно шагнула из кустов.

– Привет, – сказала светловолосая голубоглазая девочка с веселым тощим хвостиком на затылке и действительно приветливо посмотрела на Угошу.

– Привет, – в тон ей ответила кикиморка и опустилась на корточки рядом. – Тебя как зовут?

– Лариса Савельева. А тебя?

Угоша хотела объяснить, что пока ее имя состоит всего из двух букв, но вовремя спохватилась. А Лариса уже смотрела выжидательно. И нужно было что-то говорить, причем чем скорее, тем лучше.

– Светка. Пипетка, – ляпнула растерявшаяся кикиморка. Именно эти слова были последними из услышанных ею от Анжелки и, соответственно, первыми, пришедшими на ум сейчас.

Такое сочетание Ларису вполне устроило. Без тени удивления она уточнила:

– Понятно. Меня тоже иногда Лариской-Крыской дразнят, когда позлить хотят. Только я не злюсь. Крыса – это не обидно. Это очень умное животное. А ты, значит, Пипеткина?

– Угу, – подтвердила Угоша, – Светка Пипеткина.

Теперь, когда первое знакомство состоялось, кикиморке предстояло шагнуть дальше – попросить Ларису представить ее остальным людям.

– Лариса, познакомь меня со своими друзьями, – попросила она.

– Запросто, – кивнула Лариса и громко крикнула: – Нина Олеговна, девчонки, пацаны! Знакомьтесь, это – Светка Пипеткина!

– Прикольная фамилия, – фыркнул тот самый мальчишка, который жарил хлеб. Затем он присмотрелся к Угоше и добавил едва слышно:– И ты какая-то... прикольная.

Кикиморка вздрогнула... Длинный, худой. Волосы темные. В лице – ни насмешки, ни ехидства. Такие же темные, как и волосы, глаза буравили Угошу так, что она поежилась и вдруг поняла, что этот мальчик отличается от всех людей, с какими до этой минуты ей приходилось встречаться. Скорее, он больше походил на нее, чем на сидящую рядом Ларису или, скажем, Нину Олеговну. А еще Угоша сообразила, что теперь ей вряд ли обойтись без применения своей силы. Ох, как не хотелось начинать путешествие именно с этого! Но мальчишка не оставлял выбора.

Она поднялась, сотворила в воздухе невидимое для обычных людей кольцо. Кольцо выросло и опоясало поляну. Время остановилось. Теперь предстояло действовать быстро, иначе потом кто-нибудь обязательно припомнит совершенно ненужные обстоятельства появления в их компании Светки Пипеткиной.

Сначала кикиморка прислушалась к мыслям женщины. Нина Олеговна оказалась классным руководителем шестого «Б» класса и учительницей математики. Больше Угошу ничего не заинтересовало: все нормальные кикиморы не слыш-

ком-то любят копаться в чужой голове. Так, лишь самое необходимое, и то в крайнем случае.

Следующим был мальчик, как оказалось – Антон Круглов. Угоша попыталась копнуть поглубже и тут же пробкой выскочила из его сознания. Опасения подтвердились: человек Антон действительно при желании смог бы делать все то же самое, что и она, кикимора. Правда, он об этом не догадывался. Пока. Но планы, которые выстроились так славно, теперь могли быть разрушены запросто и без особого сожаления.

Быстренько поинтересовавшись именами остальных ребят, замерших на поляне, Угоша решила, что этого будет на первый раз вполне достаточно. «Я – Светка Пипеткина. Учусь в вашем классе. Я – новенькая, поэтому многого еще не знаю. Мы вместе приехали в лес и вместе вернемся домой. Все, что связано с моим появлением, вы забудете навсегда», – громко произнесла она, подняла руку, щелкнула пальцами, и кольцо, сковывающее все живое, исчезло.

– Светочка, – тут же обратилась к ней Нина Олеговна, – ты близко сидишь, посмотри, там, рядом с моей сумочкой, – мобильник. Как бы нам на автобус не опоздать!

Угоша удовлетворенно хмыкнула, отыскала то, что Нина Олеговна называла мобильником (у Анжелки такой штуковины не было), и ответила:

– Тут написано тысяча пятьсот сорок, Нина Олеговна.

– Во дает Пипеткина! – хмыкнул Антон. – Перевожу: пят-

надцать сорок!

– Надо же, как время летит! А мне казалось, что не больше трех, – ахнула Нина Олеговна, пропустив эти нелепые «тысяча пятьсот сорок». – Собираемся, ребята, собираемся!

«Сработало внушение», – обрадовалась Угоша и незаметно глянула на Антона. Тот сидел, наморщив лоб, и никак не реагировал на слова учительницы. «Плохо, совсем плохо. Но с этим придется пока мириться. Интересно, а что он вообще помнит?»

– Антон!

– Ну?

– Ты не слышал, что Нина Олеговна сказала? Собирайся!

– Сама собирайся. Мне собирать нечего.

«Все же сработало, – снова повеселела Угоша, – Просто его что-то беспокоит, только он не понимает, что. Ладно, и этого достаточно!»

– Эй, Светка! – Кто-то потянул Угошу за локоть.

Она обернулась и увидела невысокого щуплого мальчишку с удивительными, задорными глазами-угольками. Напрягла память. «Ага, это Максик Вьюн. Или Вьюнок. Надо же, как фамилия к внешности подошла!»

– Чего тебе, Вьюнок?

– Ты чего босиком? А где твои кроссовки?

Кикиморка быстро глянула на ноги. Как она могла забыть! Нужно что-нибудь срочно выдумать.

– А я... я их в траве где-то оставила.

– Давай искать! – тут же включилась Лариса.

– Бесполезно. Уже искала.

– Нина Олеговна! – закричала Лариса. – А Пипеткина кроссовки потеряла!

– Светочка, как же так? Что же ты молчишь? Замерзли ноги? – заволновалась учительница.

– Ничего они не замерзли.

– Ребята, ищем кроссовки Пипеткиной, – распорядилась Нина Олеговна. – Пройдите по поляне. И рядом с поляной тоже посмотрите. Только быстренько!

Естественно, несуществующих в природе кроссовок никто не нашел, и Светка Пипеткина поехала в город босая.

Глава 3

Автобус и прочие ужасы

Что такое неандерталец, вы, конечно, знаете. Так вот, с тех пор как Угоша увидала автобусы, ее чувства мало чем отличались от чувств неандертальца, если бы тот вдруг угодил в двадцать первый век. Ни Анжелкин опыт, ни самоуговоры не спасли – кикиморка испугалась. «Ну и что? Вполне естественно в ее случае!» – отмахнетесь вы. Да, собственно, и ничего, если бы Угоша была Светкой Пипеткиной. Но она осталась кикиморой! А только кикиморы в наследство от своих древних предков получили одно не совсем полезное свойство: при сильном чувстве опасности за какие-то несколько секунд вполне нормальная кикимора могла превратиться в жуткое чудовище. Жуткое! Аккуратные, вполне человеческие ногти вдруг начинали стремительно расти, уши столь же быстро меняли форму с округлой на острую и даже иногда покрывались шерстью. И не дай бог, если в таком состоянии кикимора кого укусит: ставшая ядовитой слюна если не убьет, то доставит кучу неприятностей.

Культурные кикиморы редко доводили себя до такого. Но сейчас, как ни старалась Угоша принять нормальный вид, ее ногти неукоснительно тянулись в длину, а уши заострялись.

К счастью, на автобусной остановке было совсем немного

людей, не считая, конечно, ребят и Нины Олеговны. Но, когда какая-то старушка, глянув на Угошины руки, укоризненно сказала: «Божечки мои! Девонька, что же мама тебе ногтики-то не подстрижет?» – Угоша поскорее распустила косички, прикрыв волосами уши, и сжала руки в кулаки, спрятав когти.

Вскоре подошел автобус. Ребята сгруппировались у входа, но Нина Олеговна их притормозила:

– Шестой класс! Не торопитесь. Я должна вас пересчитать.

– Так ведь места же займут! – пропищала тоненьким голоском самая низенькая девчонка в классе, черноволосая и черноглазая Марина Фролова.

– Фролова, можно подумать, тебя ноги не держат. Старшим дайте сесть. Так, считаю: раз, два, три... Савельева – семь, Пипеткина – восемь... Круглов – шестнадцать.

Что-то в этом подсчете учительнице не понравилось. Она задумалась – никто из ребят не пропал, разве что Пипеткина без обуви, но с этим уже ничего не поделать. Тогда что же ее беспокоит? Так и не вспомнив, что в лес она привезла пятнадцать школьников, а в город увозила шестнадцать, Нина Олеговна разрешила ребятам зайти в автобус.

Еле живая от ужаса, Угоша забралась внутрь чудовища и забилась в самый уголок на последнее сиденье. Рядом плюхнулась Лариса.

– Слышь, Светик, классно отдохнули, правда?

– Правда, – выдавила кикиморка. Сейчас ее мысли были заняты одним: как это будет, когда автобус поедет.

– Хорошо, что у нас теперь вместо Юлии Николаевны Нина Олеговна.

– Почему?

– Так Юлия ж все время ругалась! Не то что Нина Олеговна.

Угоша кивнула. Ей было не до разговоров: автобус жутко заурчал и начал быстро набирать скорость. На счастье, утомленная Лариса замолчала и даже прикрыла глаза.

Автобус продвигался от остановки к остановке. Угоша провожала глазами встречные машины, вздрагивала, когда лязгали, открываясь и закрываясь, двери, и чувствовала, что если не заставит свое тело подчиниться разуму еще до прибытия в город, то из увлекательной затеи получится самая настоящая беда.

Ехать пришлось долго. Постепенно кикиморка успокоилась, уши уменьшились, округлились, да и руки уже не так пугали. «Молодец», – похвалила она себя и тут же решила, что теперь вполне может порасспрашивать Ларису:

– Эй!

– А?! Чего?! Фу ты! Я даже уснула.

– Ты потом куда идешь?

– Ну, привет, приплыли! Домой, естественно. И ты тоже. Нас мама встретит.

– К тебе домой? – переспросила Угоша. Такого она не

ожидала.

– А к кому еще? Ты где живешь? У меня. Забыла, что ли?

«Наверное, так на нее внушение подействовало. Ну и хорошо, значит, дом у меня уже есть!»

– Свет, я тебе свои кроссовки дам поносить. А завтра мама новые купит, – расщедрилась Лариса. И, не дожидаясь ответа, шепнула в самое ухо: – Чего это на тебя Антон уставился? Влюбился, что ли?

Кикиморка исподтишка глянула на Круглова. Он сидел, обхватив руками голову, и пристально смотрел в ее сторону. Что ж, с этим пока придется мириться.

Автобус затормозил и остановился. Пассажиры загалдели, потянулись к выходу, и Угоша догадалась, что путешествие закончилось.

На автостанции детей встречали родители. Правда, Кикиморка не сразу поняла, кто эти люди, сгрудившиеся у дверей. Но, уловив удивление во взгляде одной из женщин, которая оказалась мамой Жени Фоменко, Угоша спохватилась и все же успела заставить окружающих не обращать внимания на новую девочку.

«Плохо! Кто мог подумать, что людей так много? Как я со всеми справлюсь?»

Тем временем Лариса высвободилась из объятий толстенькой веселой женщины и призывно помахала рукой. «Это мама, Вера Семеновна», – сообразила Угоша. Все, от-

крывшееся ей в сознании Ларисы еще на поляне, убеждало, что опасаться женщины не стоит: добрая, отзывчивая, она с удовольствием примет в свою семью Ларочкину подругу, стоит лишь намекнуть. Что, собственно, кикиморка и сделала. Мысленно, конечно. Вера Семеновна тут же «вспомнила» Светочку Пипеткину, дочь ее одноклассницы Алевтины Пипеткиной, которая уехала в деревню и попросила свою подругу Веру Савельеву приютить ребенка на время учебы.

– Светик, иди сюда! – позвала она Угошу и, когда та подошла, прижала к себе так, как недавно прижимала Ларису.

Кикиморка замерла. Кроме мамы, ее не обнимал никто. Тем более человек.

– Это еще что? Где твоя обувь? – Вера Семеновна уперлась взглядом в босые, серые от грязи ноги.

– Светка кроссовки в лесу потеряла, – доложила Лариса. – Мы всем классом искали, но так и не нашли.

– Господи, что ж мне твоя мама скажет, если ты застудишься?! Ладно, сегодня Ларочкиной обувью обойдешься, а завтра новую купим.

«И одежду», – мысленно подсказала Угоша.

– И одежду, – послушно повторила Вера Семеновна, – и ранец новый, – добавила она уже от себя.

Дорога домой не преподнесла никаких особых сюрпризов: с автобусами Угоша познакомилась, насмотрелась и на автомобили. Неприятность произошла, когда они вошли в подъезд двенадцатипятиэтажного дома, белой колонной торчавшего

над начинающим сбрасывать разноцветные листья парком.

Анжелка, памятью которой пользовалась Угоша, всю свою жизнь жила в деревне, в одноэтажном уютном домике. Поэтому, когда Лариса нажала на круглую красную кнопку и стена перед ней разъехалась в стороны, кикиморка ничего не поняла. Она преспокойно втиснулась вместе с Ларисой и Верой Семеновной в небольшую комнатку. Но едва комнатка дрогнула и понеслась куда-то вверх, оставляя под полом многометровую пропасть, Угоша совершенно потеряла голову. Забыв про все на свете, она упала на колени, завывала и принялась царапать стену.

– Светочка, что с тобой?! – испугалась Вера Семеновна и вместе с дочерью попыталась поднять Угошу на ноги – безрезультатно!

– Мам, у нее, наверное, клау – как ее? – фобия! А, клаустрофобия! – вспомнила Лариса слово, которое недавно услышала в школе. – Она маленьких помещений боится! Давай лифт остановим.

Лифт остановили, не доехав два этажа до нужного двенадцатого. Едва наметился путь к свободе, Угоша, совершенно позеленевшая, вывалилась на бетонную площадку. Ее руки тряслись, глаза бегали, а когти предательски торчали между сжатыми в кулаки пальцами.

Поняв, что беда миновала, кикиморка убрала руки за спину и попыталась объяснить, что у нее и вправду клау... – ну эта штука, про которую говорила Лариса.

– Ничего-ничего, Светочка, – вздохнула с облегчением Вера Семеновна, – мы и пешком дойдем. Тут всего два этажа осталось. – И поспешно добавила для высунувшихся из своих квартир соседей, которых всполошили непонятные звуки и вопли: – У нас все в порядке, все в порядке...

На двенадцатом этаже Вера Семеновна порылась в сумочке, достала связку ключей, нашла нужный и впустила девочек в квартиру. Лариса, бормоча под нос незнакомую Угоше песенку, тут же полезла в холодильник.

– Мам, мы проголодались!

– А ну, кошка, брысь! Сначала руки мыть. А потом за стол.

Пока Лариса промышляла в холодильнике, Угоша успела осмотреться. Тесный лесной шалаш с земляным полом, с крышей, не очень спасающей от ливней, и близко не напоминал ту комнату, в которой она оказалась. В Ларисином доме земли не было, разве что в нескольких цветочных горшках, выстроенных рядком на подоконнике. Под грязными босыми пятками ощущалось что-то теплое и гладкое. Голубые стены и белый потолок представлялись совершенно сказочными. Вдобавок кикиморкин нос атаковала целая куча незнакомых запахов, приятных и не очень. В конце концов, не в силах противиться своим желаниям, Угоша встала на четвереньки и, втягивая воздух, как это делают звери, отправилась в путешествие по периметру комнаты. Занятая столь интересным и важным делом, шагов у себя за спиной она, естественно, не слышала.

– Ой, Светка, ты это чего? – испуганно воскликнула Лариса, не успевшая забыть о «приключении» в лифте.

– А я-а-а... – По-быстрому в голову ничего не приходило. Угоша замолчала, надеясь, что правильное объяснение придумается как-нибудь само.

И не ошиблась. Понимая, что никакой нормальный человек нюхать пол не станет, Лариса тут же решила, что ей это показалось, а Пипеткина или что-нибудь потеряла, или ищет шнур от телевизора.

– Сейчас включу!

Над головой Угоши зашипело, затрещало, рывкнула музыка. Лариса протянула руку, собираясь уменьшить громкость, но не успела: очумевшая кикиморка сбила ее с ног.

– Не, ну ты точно бешеная! Телика, что ли, испугалась? – поднимаясь, Лариса потеряла ушибленную коленку.

Конечно, будь Угоша в несколько ином состоянии, она, наверное, сумела бы насочинять по поводу своих отношений с телевизором, но сейчас прямо на нее, переваливаясь при каждом шаге, шло огромное черно-рыжее полосатое чудовище. Забыв про все на свете, она приняла боевую стойку.

– Слушай, ты что, тигров не видела?

Угоша заставила себя расслабиться.

– Видела, конечно, просто это я так... играю.

Лариса пожала плечами, поднесла к голове руку, сжала ее в кулак и вытянутым указательным пальцем покрутила у виска, словно намеревалась проделать там дырку. Кикиморка

хотела спросить, что означает этот жест, но Лариса уже отвернулась и пошла на кухню, бросив на ходу:

– Первоклашки так играют. Ладно, пойдем, а то все остынет. Мама ругаться будет.

Поев и прихватив конфет, девчонки забрались на диван.

– Ларисочка, ты же знаешь, что я в классе новенькая, – сквозь шоколад прочавкала Угоша. – Расскажи мне про всех.

– Кого всех? Да перестань ты жевать! Как маленькая. Про пацанов, что ли?

– Угу! И девчонок тоже.

– Что про них рассказывать? Девчонки как девчонки. Тебя, наверное, Антон интересует? Круглов? У нас все в него втрескались. Даже из параллельного класса. Хоть он и прогульщик.

– Ой, расскажи! Расскажи про Круглова! Только... Ларис, а что это – втрескались?

– Ну даешь! Влюбились, значит!

– Я не влюбилась, – замотала головой кикиморка. – Но все равно расскажи.

– Так вот, влюбляться в него бесполезно, – объявила не поверившая подруге Лариса. – Потому что с девчонками он все равно не дружит. И вообще, он странный: в школе учится не очень, уроки прогуливает, зато все время в городской библиотеке сидит. Наверное, уже все там перечитал. Еще – стихи пишет. Он как-то листочек обронил, а мы с Женькой

Фоменко нашли и успели чуть-чуть почитать, пока он не забрал. Я запомнила. Слушай!

Лариса закрыла глаза, задрала голову к потолку и, смешно подвывая, начала:

Может быть, в мире топких болот
Кто-то странные песни поет
И выходит ночами на сушу
Наши песни послушать...

– Красиво, правда? Только непонятно.

«Да понятно же, понятно! – хотелось крикнуть Угоше. – Это про меня Антон написал! Это я выхожу на сушу!» – но она промолчала. Крошечный кусочек стихотворения навел на размышления. Если Антон придумал это давно, значит, не только кикиморы, но и люди умеют видеть будущее?

– Про Антона – все. Теперь – Женька Фоменко, – продолжила Лариса. – Не смотри, что она отличница. Она не зубрилка. Контрольные списать дает. Мы вместе с ней уроки иногда учим. Еще она стенгазеты оформляет, потому что рисует классно. И Мариночка Фролова хорошо рисует. Только она нерешительная, а Женька любого пацана за пояс заткнет. Фролова еще художественной гимнастикой занимается с первого класса. Когда соревнования разные в школе, она всех девчонок побеждает и нам много баллов приносит. Мы троим давно дружим – я, Маринка и Женька. А теперь еще и ты. Дальше – пацаны... Нормальные, которые к девчонкам

хорошо относятся, – это Генка Харитонов и Максик Вьюн. По-нашему – Вьюнок. Очень подходит! Генка на танцы ходит, а Макс – на музыку. Еще в компах разбирается получше взрослых.

– А остальные?

– Что остальные... Сама видела. У всех свои компании. Вичка с Дашкой – те, вообще, на переменках курят вместе со старшеклассниками.

– Как курят? – удивилась Угоша. То, что некоторым людям нравится втягивать дым растения под названием «табак», она знала от Анжелки, но до сих пор считала, что это касается исключительно мужчин.

– Обычно! Как будто не видела! Нина Олеговна с ними борется, борется, и все без толку.

– Почему?

– Потому что там мальчишки из старших классов. Дашка с Вичкой перед ними воображают, взрослых из себя корчат... – Лариса зевнула, потянулась. – Я спать хочу. А ты?

– Давай еще немножечко в телевизор поглядим, – предложила Угоша.

– Нет. Спать!

Легко сказать! Затея со Светкой Пипеткиной оказалась намного сложнее и опаснее того приключения, которое на представлялось дома. Вспомнились мама, братик. «Как они там без меня?» – с этой мыслью кикиморка все же уснула.

Глава 4

Пипеткина идет в магазин

Проснулась Угоша, когда солнечный луч щекотно заскользил по носу и, не открывая глаз, мысленно позвала маму чтобы рассказать, какой удивительный сон приснился ее дочери про людей, про огромный город с высоченными домами, автобусами и автомобилями. Не получив никакого ответа, она все же открыла глаза.

– Ой! – Рядом действительно стояла мама, только не ее, а Ларисина. На всякий случай Угоша быстро дотронулась до ушей и украдкой глянула на ногти. Ни одни, ни вторые ничем особым не отличались от человеческих...

– Проснулась, Светочка?! – ласково спросила Вера Семеновна, и Угоша поняла, что приключения продолжаются. – Буди Ларису, умывайтесь и – за стол. Я оладушек нажарила. Любишь оладушки?

– Люблю, – уверенно соврала Угоша, совершенно не представляя, о чем идет речь. Она испытала бы куда большее удовольствие, спроси ее о молодых мухоморчиках.

До сих пор крепко спавшая Лариса зевнула, потянулась и сказала:

– Я тоже люблю! Мам, с медом, сметаной и клубничным вареньем, хорошо? Светка, айда на кухню!

Уничтожив за каких-то полчаса целую горку тоненьких румяных листочков (вот какими оказались оладушки!), а заодно банку сметаны и полбанки клубничного варенья, они отправились за обещанными еще накануне покупками.

Пока шли по широкому, не слишком людному в утренние часы проспекту, непривычная к городу Угоша успела отдалить с полсотни ног, толкнуть каждого второго прохожего и задеть каждого третьего. При этом она не понимала, почему ничего такого не происходит ни с Ларисой, ни с ее мамой. Голова вертелась, как флюгер, нос, вопреки стараниям, шевелился и сопел. Но, если не считать, что, засмотревшись, кикиморка дважды протаранила лбом фонарные столбы, до магазина дошли вполне благополучно.

Лариса, болтавшая без умолку всю дорогу о какой-то особенной юбке, притихла, предварительно поинтересовавшись:

– Мам! Только Светке покупать будем или и мне тоже?

– Ларочка, если деньги останутся.

Что такое деньги, представлялось смутно, хотя Анжелкин опыт подсказывал, что без этих разноцветных бумажек никаких кроссовок и школьной сумки не будет.

– Вера Семеновна, а что это – деньги?

– Во дает! – фыркнула Лариса.

Угоша поняла, что сморозила глупость. Ну как если бы у кикиморы спросили, что такое болото. Стараясь спасти положение, пояснила:

– Ну-у-у... я, конечно, знаю, что это такое. Мне просто непонятно, как их может не хватать?! Это же просто бумажки с картинками!

Теперь расхохоталась и Вера Семеновна:

– Господи, Светочка, ты так серьезно это говоришь!

Не прошло и часа, как для Угоши был приобретен не слишком дорогой, но, по заключению Ларисы, вполне модный гардероб. Оставалось купить только школьную сумку на длинной ручке с целой кучей карманчиков, когда Угоша уперлась глазами в девочку. Девочка неподвижно стояла за толстым стеклом и глупо улыбалась. Впрочем, она кикиморку не заинтересовала. Зато ее длинное розовое платье с рюшками, оборочками, цветами и всякими штучками!.. Расплющив нос о стекло, Угоша тихонько позвала:

– Эй!

Девочка даже не шелохнулась.

– Эй! Ну, эй же! Тебе говорю! Ты что, глухая?

Никакого ответа.

– Подумаешь, задавака!

– Светка, ты чего?! Это же манекен! – хихикнула Лариса.

– Манекен? Ты думаешь, она неживая?

– Конечно! Пластмассовая. Вы там что, в своей деревне, манекенов не видели?

– Видели... – Не отличить живой девчонки от куска бездушной пластмассы для кикиморы было самым настоящим позором. – Лариса, а ты хотела бы такое платье, как у нее?

– Спрашиваешь! Только что толку хотеть? Оно, знаешь, сколько стоит?!

* * *

Несколько последующих часов были потрачены на болтовню и поочередную примерку нарядов. Потом Лариса вспомнила, что еще не написала сочинение, и у Угоши появилась возможность помечтать. А мечталось сегодня только об одном – о платье. «Если оно надето на пластмассовую девчонку, – рассуждала она, – значит, оно никому не нужно?! Иначе его бы уже давным-давно купили... А раз так, то можно просто пойти в магазин и сказать: „Отдайте его мне!“»

Решение оказалось таким простым, что сомневаться в его правильности было бы просто глупо. Будучи личностью последовательной и пунктуальной, кикиморка выбралась из-за стола и решительно направилась в коридор обуваться.

– Свет, ты куда? – подала голос Лариса, не поднимая глаз от тетради.

– Пиши-пиши, я скоро приду, – отмахнулась Угоша и щелкнула пальцами, уверенная, что теперь час-полтора подругу не будет волновать ничего, кроме сочинения.

* * *

Вопреки опасениям, магазин отыскался легко. И вообще,

ориентироваться в городе оказалось не сложнее, чем в родном лесу: каждый дом имел свое место, размер, цвет и, конечно, запах.

День подходил к концу, и утомившаяся продавщица в почти пустом отделе тщетно давила зевоту. Зевнув в очередной раз, она увидела перед собой худенькую рыжую девчушку. Что-то в ее внешности было явно не так. Но их глаза встретились, и желание прояснить подмеченные несоответствия пропало, словно его и не было.

– Что тебе, девочка?

– Платье. Розовое. – Девчушка кивнула на манекен.

– Ах, платье! – излишне бурно обрадовалась продавщица. – Понравилось? Правда красивое? Забирай! А то который месяц все только прицениваются. Еще бы, такие бешеные деньги! – доверительным шепотом сообщила она. – Примеряем или так возьмешь?

– Примеряем.

Продавщица сняла платье с манекена и, указав на специальную кабинку с зеркалами, помогла застегнуть молнию, расправила все оборочки и бантики. Угоща от удовольствия зажмурилась, а потом, когда было все готово, приоткрыла один глаз, другой и в образовавшуюся щелочку глянула на собственное отражение. В следующее же мгновение она запрыгала и захлопала в ладоши.

– Ну что? Упаковывать? – спросила не менее довольная продавщица.

– Ой, упаковывайте, упаковывайте!

Платье поместили в специальную огромную коробку. Кикиморка сказала, как говорили все люди, «спасибо» и направилась к выходу, а продавщица через несколько минут напрочь забыла о своей клиентке.

Глава 5

Светка Пипеткина идет в школу

Около восьми утра в понедельник прохожие Цветочного проспекта, в центральной части которого располагалось трехэтажное здание двести тридцать четвертой средней школы, с удивлением моргали и тянули к лицам руки, чтобы протереть глаза. По тротуару, весело болтая, шли две девчонки лет одиннадцати. Одна, светловолосая, ничем особенным не выделялась. Зато вторая, рыжая!.. Некоторые, кто посообразительней, даже начинали оглядываться по сторонам, пытаясь отыскать в кустах или где-нибудь за углом киносъемочную аппаратуру.

Угоша, привыкшая во время кикиморьих праздников украшать себя всякими-разными симпатичными штучками, в свой первый школьный день постаралась на славу. На ней, несмотря на осеннюю прохладу, струилось и трепетало розовое платье, из-под которого при каждом шаге «кокетливо» выглядывали массивные кроссовки с оранжевыми шнурками и такого же цвета сетчатыми вставочками. Волосы, аккуратно подобранные Верой Семеновной в два хвостика, удерживались резинками – сиреневой и зеленой. А через плечо болталась новая, с множеством кармашков на молниях разноцветная сумка. Да, кстати, были еще и желтые носки! Но

их, к Угошиному сожалению, полностью скрывала длинная юбка.

Кикиморке казалось, что она вот-вот лопнет от счастья. Ни Вера Семеновна, ни Лариса, стараниями самой же Угоши, не проявили ни грамма сомнения по поводу ее наряда. И теперь она шла принимая ошеломленные взгляды прохожих за любование и нескрываемое восхищение.

Правда, уже в школе Угоша быстренько сообразила, что слишком уж заметна среди почти одинаково одетых девочек, и, подавив досаду, мысленно приказала всем, кто войдет в школьный двор, ничему не удивляться. В результате группка одноклассников, толпившихся на крыльце, отреагировала на их с Ларисой появление вполне обыденно:

– Привет, девчонки! Идите сюда. Дело есть!

Они подошли. С некоторыми из ребят кикиморка уже была знакома, кого-то видела впервые.

– Ух ты! Круто! – Несколько девочек потрогали платье. – Светка, где взяла?

– В магазине, – честно призналась Угоша.

– Ну, говорите же, какое дело? – нетерпеливо прервала разглядывание Лариса.

– У Нины Олеговны сегодня день рождения. Родители с букетом и каким-то подарком ее с утра ждут.

– А где она?

– Ко второму уроку, сказали, будет. Антон в учительской узнавал. Давайте придумаем какой-нибудь сюрприз.

– Мы – за, правда, Светка?! А вы сами уже думали?

– Я считаю, ей нужно купить что-нибудь полезное и красивое, – авторитетно и, судя по интонациям, не впервые заявила Женья Фоменко.

– Фоменко! Сколько раз тебе повторять, ей уже и полезное, и красивое родители купили! – раздраженно возразила Марина Фролова. – Подумаешь, подарок из магазина! Нужно что-то своими руками сделать: или стих какой-нибудь сочинить, или стенгазету нарисовать.

– О! Пусть Антон сочинит, – восторженно воскликнул Генка Харитонов. – А Вьюн – музыку. Подарим ей песню!

– Генка, ты мозгами пошевели, – Макс постучал себя пальцем по голове, – классная через полчаса в школу придет! Какие стихи? Какая песня? Они что – грибы? Раз – и выросли?!

– Ой! – подпрыгнула Угоша.

– Светка, чего прыгаешь? Муха укусила? – мгновенно переключился на кикиморку Вьюнок.

– Сам ты муха! Я знаю, какой сюрприз!

– Говори! – несколько пар глаз уставились на Угошу. Она неожиданно для себя засмутилась, а в следующую минуту из школьного здания вырвался и ударил по ушам резкий переливчатый звук.

– Звонок! – с досадой воскликнула Лариса. – Пошли. По дороге расскажешь.

– Нет. Это сюрприз, – заартачилась Угоша и, задржав повы-

ше шелка, по которым то и дело норовил промчаться табун малышни, устремилась за подругой.

Перед тем как войти в класс, кикиморка почувствовала, что ее кто-то потянул за локоть. Она резко обернулась, возбужденная, раскрасневшаяся от переполнявших ее новых ощущений, и наткнулась на колючий взгляд Антона Круглова.

– Пипеткина, стой. – Антон отвел глаза, тряхнул головой, словно сбрасывая с нее что-то, и негромко, но четко произнес: – Не знаю, что ты там напридумывала, но учти, я нашим все расскажу!

– Что расскажешь? – прекрасно понимая, о чем речь, захлопала ресницами Угоша. Как она и предполагала, на Круглова заклятия почти не действовали.

– Все.

– А что «все»? – Угошу так и подмывало поиграть с Антоном. В конце концов, такой разворот событий – вызов ее способностям. Да и все традиции кикиморьего рода требовали этого.

– Ну... – Антон замялся. – Что ты так вырядилась, например.

– А что, тебе не нравится?

– Нравится... Только это неправильно... Ты не должна...

Постепенно его разум, подчиняясь мысленному приказу затуманился, и Угоша поняла, что одержала победу.

– Так что ты там собирался рассказать?

– Я? Рассказать? – Антон пожал плечами и, с трудом переставляя ноги, побрел по коридору.

– Круглов, ты куда? – повысила голос учительница, на которую он налетел, почти не замечая ничего вокруг. – А ну, вернись сейчас же!

Оклик подействовал как ушат холодной воды. Голова почти прояснилась, и Антон направился в класс.

– Что это с Кругловым, не знаешь? – спросила учительница, тщетно пытаясь вспомнить, как зовут стоящую перед ней ученицу.

– Откуда?

– А ты...

Угоша, уловив замешательство по поводу своей личности, тут же подсказала:

– Я – Светка Пипеткина. Новенькая. Поэтому вы меня не помните. – И, обнаглев совершенно, поинтересовалась: – А вас как зовут?

– Татьяна Тимофеевна, – несколько не удивившись, ответила учительница и, легонько подтолкнув Угошу к двери, вошла вслед за нею в класс.

В первый момент, увидев ряды столов, кикиморка растерялась: почти все, кроме самой галерки, было занято. Но растерялась ненадолго: она выбрала себе в друзья Ларису, значит, именно с ней и будет сидеть!

Кикиморка подошла ко второму столу центрального ряда и внимательно посмотрела на Марину Фролову, занимав-

шую «ее» место. Фролова послушно собрала свои вещи и отправилась в конец класса. Довольная Угоша, с трудом запишав под стол не желающую уминаться юбку, уселась рядом с Ларисой.

Тем временем Татьяна Тимофеевна раскрыла журнал и скользнула глазами по колонке фамилий. Что-то в этой колонке ей не понравилось. Сосредоточившись, она поняла, что в списке не хватает новенькой девочки. «Ай-ай-ай, пропустили», – посетовала Татьяна Тимофеевна и аккуратно дописала в конце списка «Пипеткина Светлана», «узаконив» таким образом нахождение кикиморки в школе. Она даже решила послушать новенькую у доски, но Пипеткина встала и направилась к двери.

– Света, ты куда без разрешения? – удивилась учительница.

– Сюрприз делать для Нины Олеговны. У нее сегодня день рождения, – заявила Угоша и, считая, что этого объяснения вполне достаточно, вышла.

* * *

В коридоре было тихо. Угоша зажмурила глаза. Всю свою «лесную» жизнь она убеждалась, что тишина бывает разная. Журчит ручеек – одна тишина, птицы поют – другая. Их пение несколько ее не разрушает, наоборот. Вот и сейчас, несмотря на бормотание, доносящееся сквозь закрытые две-

ри, стояла особая «коридорная» тишина. Угоша даже на минуту забыла о своей задумке. Но лишь на минуту. Медлить было нельзя, поскольку воплощение сюрприза в реальность требовало некоторого времени. А его почти не оставалось: Нина Олеговна могла появиться в любой момент.

Кикиморка хозяйски огляделась. Да, развернуться есть где.

В прошлом году маме на день рождения она подарила клумбу. Только вместо обычных цветов использовала грибы: красные мухоморы, оранжевые лисички, зеленые, малиновые и желтые сыроежки. Конечно, цветы были бы намного уместнее и красивее. Но времени не хватало: Угоша вспомнила о подарке, только когда увидела праздничное угощение. Пришлось применить быстрорастущие грибы. Грибная клумба «прожила» всего два дня. Потом, когда все начало чернеть и рассыпаться, мама как-то от нее избавилась. Но это уже было после дня рождения.

Очень надеясь, что Нине Олеговне такой сюрприз придется по душе, Угоша сосредоточилась. Сначала ничего не происходило. И вдруг – пок – из земли выпрыгнула первая красная шляпка. А потом из всех вазонов, горшочков и кашпо, тесня их зеленых хозяев, поперли пятнистые яркие мухоморы. Именно их больше всего любила Угоша.

Выскочивший в коридор первоклассник смешно выпучил глаза (кикиморка даже представить себе не могла, что глаза могут стать такими), почему-то захныкал и бросился в туа-

лет. Сначала она решила, что пацан ничего не понимает в настоящей красоте, но потом все же догадалась, что он просто-напросто испугался.

Когда грибы в коридоре достигли нужных размеров, Угоша направилась в школьный двор. Именно там и должна была развернуться та самая Главная Клумба. По дороге клумба разрослась до грандиозной аллеи, вдоль которой прошествует восхищенная (а как же иначе?) Нина Олеговна.

Сама затея была – нечего делать. Споры грибов есть везде, даже в самом крошечном комочке земли. Приказать им дружно пробудиться и поскорее вырасти – раз плюнуть. Ну и, конечно, чтобы все это произошло не хаотично, а в нужных пропорциях и последовательностях.

Кикиморка представила яркую полосатую дорожку, соединяющую ворота со школьным крыльцом. Не прошло и десяти минут, как желаемый эффект был достигнут. Осталось лишь дожидаться Нины Олеговны и заодно проследить, чтобы капризное солнце не спряталось за тучку, иначе шляпки грибов перестанут блестеть, а это уже совершенно не то.

Угоша подобрала порядком надоевшую юбку, завязала ее узлом на уровне коленок и приготовилась ждать именинницу.

Очень скоро показалась Нина Олеговна. С большущей сумкой и тортом она переходила дорогу уже совсем близко от школы.

Кикиморка еще раз оценила свое искусство, прикинула, что успевает, и бросилась в класс.

Татьяна Тимофеевна что-то объясняла у доски, когда распахнулась дверь, на пороге возникла возбужденная Пипеткина и, тыча пальцем в окно, заорала:

– Ну, скорее, скорее! Нина Олеговна идет! Я успела! Смотрите!

Пока гремели отодвигаемые стулья и открывались окна, Нина Олеговна входила в школьный двор. Едва миновав ворота, она зажмурилась: поверить в увиденное было невозможно. Осознав, что торт, который она так берегла всю дорогу, каким-то образом очутился на земле, Нина Олеговна открыла глаза.

В это время в классе одна из девочек (кажется, Марина Фролова) тоненько спросила, ни к кому особенно не обращаясь:

– Эт-т-то что-о?

– Сюрприз! – громко, с нескрываемой гордостью сообщила Угоша. – Классно, правда?

– Классно...

Чуткий слух мог бы уловить в раздавшемся многоголосьи некоторую неуверенность. Но разноцветные ряды блестящих грибных шляпок были настолько необычны и праздничны, что от неуверенности через мгновение не осталось и следа.

– Пипеткина, признавайся, как ты это сделала? – услышала Угоша у самого уха.

– Круглов, я тебе потом объясню, – прошептала она и громко, уже для всех, добавила: – Давайте Нине Олеговне что-нибудь прокричим. Она тогда будет знать, что это наш подарок, а не чей-нибудь еще.

– Точно, давайте! – подхватила Женя Фоменко. – По команде кричим слова: «С днем рождения, Нина Олеговна!»
Внимание: раз, два, три!

Нина Олеговна, все еще топтавшаяся у ворот, подняла голову на крик и поняла, что ничего ей не привиделось, что с головой у нее полный порядок, а это просто день такой особенный. С сюрпризами. Она помахала ребятам поднятым тортом и вдоль совершенно невозможной аллеи направилась к школе. Мухоморы в вазонах вперемешку с традесканциями, аспарагусами и пальмами доконать ее уже не смогли.

Наверное, Угошу замучили бы расспросами, но Татьяна Тимофеевна вовремя вспомнила про свои обязанности, класс расселся по местам, и урок худо-бедно продолжился.

Однако основные события на самом деле только начинались. И кое для кого начинались прямо сейчас.

Так случилось, что именно в этот день в школе ожидалась комиссия. Еще накануне и так вполне ухоженная территория вместе со зданием были разве что не вылизаны, газоны вскопаны, листья выметены.

Пока класс Нины Олеговны рассаживался по своим местам, высокий мужчина в очках, две дамы и директор школы Елена Борисовна входили в школьный двор. Имя мужчины – Лев Вениаминович – полностью соответствовало его представительной внешности. Женщин, не очень молодых, но очень строгих, звали Мария Ивановна и Мария Игнатьевна.

– Милости прошу! – Широкий директорский жест сужился до судорожного рывка: Елена Борисовна уперлась взглядом в собственные газоны. Все заранее заготовленные фразы застряли где-то в пути, кроме единственной: «Все!» Ничего не понимая, она сделала несколько неуверенных шагов. За это время ее опытное сознание, отбросив все вопросы, догадки, научные и ненаучные обоснования увиденному, подсказало, что разбираться надо потом. А сейчас отстаивать честь школы любой ценой.

Не давая никому опомниться, Елена Борисовна все же

развела руками и самоотверженно начала:

– Как вам наши юные биологи? Что сотворили, а?! Необычно! Современно! И красиво. Вы не находите?

– Да-а-а, – сдавленно произнес еще не до конца пришедший в себя Лев Вениаминович, – действительно...

– И очень, очень современно!

– Даже слишком современно, – пробурчала скептическая Мария Игнатьевна. – Вот только вопрос, а не скажется ли такое новшество на здоровье детей? Мухоморы все-таки. Они, насколько я знаю, ядовитые.

– Ну что вы! – почти возмущенно воскликнула директриса. – О том, что мухоморы ядовиты, знает любой первоклассник! Они, в конце концов, это на уроках природоведения и ботаники проходят. Не волнуйтесь, никто эту прелесть есть не станет. Зато как ярко! Неповторимо! («Найду выдумщиков – такое устрою. И родителей в школу!») Кстати, – у нее наконец-то нашелся довод, более рациональный, чем все эти «ярко» и «обворожительно», – учитывая ядовитость и хрупкость грибов, у нас клумбы и газоны теперь не вытаптываются! Я предлагаю опыт перенять и распространить на другие школы.

– Вы так считаете? – внимательно посмотрела на нее Мария Игнатьевна.

– Не просто считаю. Уверена! – заверила комиссию бедная Елена Борисовна.

– Позвольте, а технология? Как все это было сделано? –

заинтересовалась Мария Ивановна, биолог по образованию.

– У нас есть школьный кружок «Юный биолог». Думаю, заранее была проведена большая, даже огромнейшая работа по сбору и подготовке материала, которая к началу школьного года и увенчалась вот таким невероятным успехом.

– Ну что ж, все это, действительно, невероятно и несколько неожиданно, – подытожил Лев Вениаминович. – Вы нас поразили. Опыт, который стоит обдумать. А теперь, уважаемая Елена Борисовна, приглашайте в кабинет.

Пока гости рассаживались и обменивались впечатлениями, у Елены Борисовны появилась пара минут, чтобы шепнуть на ухо Ольге Игоревне, своему секретарю:

– Возьмите завучей, свободных учителей и срочно, срочно (!) до звонка обойдите все классы.

Ни один ребенок не должен выйти на перемену без присмотра взрослого. Пусть они там учебники читают, играют, не знаю... В общем, что хотят, то пусть и делают! Но ни ногой! Ни ногой! В туалет – только со взрослым.

– А что случилось? – так же тихо поинтересовалась заинтригованная Ольга Игоревна.

– Оля, в коридор выйдешь – сама все поймешь! Я сейчас – туда, – Елена Борисовна кивнула на двери собственного кабинета, – а ты давай выручай. И всем скажи, что, если детей не удержим, тут такое будет! Все. Иди.

Татьяна Тимофеевна уже заканчивала урок, когда в класс заглянули:

– Извините, можно вас на минуточку?

Учительница вышла. Почти сразу прозвенел звонок. Не возвращаясь, прямо из коридора Татьяна Тимофеевна распорядилась:

– На перемену пока не выходим. Следующий урок – литература. Повторите домашнее задание. Ребята, очень прошу к моей просьбе отнестись серьезно.

– А в туалет? – раздалось сразу несколько голосов.

Из-за двери послышался голос Ольги Игоревны:

– Татьяна Тимофеевна, Елена Борисовна приказала – на этой перемене никаких туалетов.

– Ну что вы такое говорите! Как я могу детей не пустить в туалет? Им что, горшок в класс нести? – И добавила уже громко, стараясь перекрычать поднявшийся гогот: – В туалет можно. Но не всем сразу. И будьте культурными людьми. В школе работает комиссия. Мне бы не хотелось, чтобы именно ваш класс подвел всех. Скоро подойдет Нина Олеговна. А пока прошу еще раз – на ушах не стоять!

После этих слов Татьяна Тимофеевна исчезла. Следом за ней испарились кандидаты на посещение туалета.

Как и следовало ожидать, не одна Татьяна Тимофеевна

проигнорировала приказ Елены Борисовны. Желаемое безлюдье в коридорах так и не наступило.

А теперь скажите, можете ли вы представить себе, например, пятиклассника, который, выскочив в школьный коридор, увидел бы в цветочных вазонах мухоморы и прошел бы мимо, лишь мысленно отметив: «Мухоморы выросли... Ну и пусть себе растут. Меня это совершенно не касается». Невероятно, правда?

Именно поэтому в школу уже в начале перемены можно было вызывать целый полк уборщиц: одна школьная тетя Вера не могла находиться на всех этажах, во всех коридорных закоулках и переулках одновременно.

Обломки грибов валялись везде. Самые талантливые и изобретательные ученики сообразили, что если мухомор раздавить, то на нем можно пронестись пару незабываемых метров по коридорному линолеуму, как по льду. Менее талантливые обнаружили, что кидаться шляпками мухоморов так же здорово, как и снежками. И, кстати, не больно. Ходоки в туалет объединялись в команды и самоотверженно сражались, не обращая никакого внимания на окрики совершенно очумевших учителей.

Спокойствие хранили исключительно старшеклассники. Не то чтобы им не хотелось проехаться на грибе или запустить шляпкой в стену или в какого-нибудь Петю Сидорова, просто опускаться до такого детства было совершенно невозможно. Поэтому, втайне завидуя малышне, они гордо

шествовали мимо и так же гордо возвращались в свои классы.

К концу перемены по коридору ходить стало опасно.

Догадливая Ольга Игоревна, опасаясь спугнуть комиссию, обо всем сообщила Елене Борисовне по мобильному телефону. Елена Борисовна тут же набросала записку: «Срочно – звонок на урок! Детям – в классы. Учителям – уборка территории».

Таким образом, в шестой «Б» не пришла не только обещанная Нина Олеговна, но и сама Татьяна Тимофеевна.

О том, что происходит нечто чрезвычайное, первой догадалась привыкшая все анализировать Женя Фоменко. Пока класс наслаждался свободой, то есть развлекался и списывал домашнее задание из ее тетрадки, она подошла к окну полюбоваться подарком. А заодно поразмышлять, как это вот так сразу и так геометрически правильно умудрилось вырасти столько грибов. Однако думать пришлось совершенно об ином: вместо привычного школьного двора внизу простиралось то ли поле боя генерального сражения, если на него глядеть с самолета, то ли просто филиал городской свалки.

Женя тут же подозвала Угошу:

– Светка, посмотри в окно, только быстро. Надо что-то срочно придумать. Иначе нам так влетит от Нины Олеговны! И классной от директрисы тоже влетит. Это точно!

Глянув, кикиморка поняла, что клумба с грибами в глухом лесу и то же самое в многолюдном городе – это две со-

вершенно разные штуки.

– Ой! – воскликнула она. – Я сейчас... сейчас.

Но что «сейчас»? Магию применить? Какую? Не обращать внимания? В конце концов, намаявшись между возможностями, Угоша приказала грибам исчезнуть с глаз долой. Вообще-то они никуда не делись. Даже поскользнуться и полететь вверх тормашками можно было запросто. Увидеть – нельзя. И вспомнить об их недавнем существовании, кстати, тоже. А как уничтожить грибы, Угоша не знала: в лесу клумбу убирала мама.

Едва грибы «исчезли», Елена Борисовна, совершенно не понимая, зачем продержала целый урок у себя в кабинете уважаемую комиссию, повела гостей по школе. По мере продвижения и проверяющие, и сама Елена Борисовна то и дело скользили, взмахивали руками и несколько раз чуть не упали. Директор нервничала. Ее спутники удивлялись собственной неуклюжести.

Учителя удивлялись тоже: с чего и кому взбрело в голову во время уроков устроить субботник? Не найдя ни одного разумного довода, они сдали завхозу веники и тряпки, возвратились в классы, и школа заработала в своем обычном режиме.

Глава 6

Еще одно приключение Пипеткиной

Урок литературы пролетел для Угоши незаметно. Собственно, если вспомнить, что до сих пор она «обустроивала» школьный быт, то этот урок в ее «человеческой» жизни был первым. Страсть к книгам, доставшаяся в наследство от Анжелки и умучившая Угошу за лето, теперь начала удовлетворяться. Да и учительница, заметив в глазах новенькой неподдельный интерес, волей-неволей все время смотрела на нее. В результате Угоша влюбилась в литературу. В стихи особенно. И даже сочинила пару строк:

Нарядился мухомор
в красный головной убор.

«Ух ты! Получается!» Кикиморка глянула на Антона, вспомнив, что тот тоже умеет сочинять стихи. Под ее взглядом Антон нахмурился и от этого стал еще более загадочен и интересен. Угоша тут же сложила:

У меня не хватит слов,
Чтоб сказать, каков Круглов.

Когда прозвенел звонок, Лариса вместе с Мариной Фроловой и Женей Фоменко потащили Угошу в коридор.

– Девчонки, а чем это так воняет? – сморщила нос Марина.

– Грибным супом каким-то, – предположила Женя.

– Нет, не супом. Суп по-другому пахнет. Вкусно. А здесь воняет! – не согласилась Лариса. – Давайте лучше пойдем на улицу.

– Конечно, на улицу! – поспешно поддержала подругу Угоша. Она очень опасалась, что история с «подарком» может продолжиться.

На улице запах чувствовался значительно слабее. Девчонки, не торопясь, пошли по дорожке, огибающей школьное здание.

– Светка, расскажи про школу, где ты раньше училась. Там лучше было или здесь? – спросила Женя.

– Здесь, – почти не соврала Угоша.

– А мне наш класс не очень нравится.

– Это еще почему? – возмутилась Лариса. – Что, шестой «А» лучше, что ли?

– Ничего не лучше. Просто мы не очень дружные. Вот, например, ты, я и Марина – мы всегда вместе. Теперь еще с нами Светка Пипеткина. И другие так же – вдвоем, втроем. А общей дружбы нет.

– И пацаны все по кучкам, – согласилась Марина. – А

некоторые девчонки вообще с восьмиклассниками водятся, задирают нос, курят и думают, что это их делает сильно взрослыми, – она кивнула на небольшую шумную компанию, укрывшуюся за плотной стеной кустарника.

– Курят? – Последнее замечание Угошу заинтриговало. Она уже слышала однажды от Ларисы, что две девочки из их класса – Даша Потещук и Вика Яковлева – что-то там такое курят. – А что они курят?

– Дрянь всякую. Их учителя гоняют каждый день, только никакого толку нет. Мне мама рассказывала, что у курильщиков все легкие в саже, как печная труба. Только, по-моему, им все до лампы.

– Почему?

– Потому что дуры, – отрезала категоричная Женя.

По собственному опыту Угоша знала, что иногда взрослые запрещают самое интересное или вкусное. Вот, например, ранней весной нельзя ходить по льду – провалишься, промочишь ноги и заболеешь. Ну и что? Разве она хоть раз послушалась? Да без такой забавы и весна – не весна! Нельзя много меда с земляникой есть, потому что прыщи будут? Так они потом все равно пройдут, зато как вкусно! А раз так...

– Девочки, а давайте тоже подойдем и познакомимся со старшеклассниками, – предложила Угоша.

– Знаешь, не стоит, – поморщилась Лариса.

– Почему? Потому что курят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.